

В. В. МАЙКО

К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРИЗОНТОВ МАНГУПА IX-XI вв.

В истории изучения Мангупского городища т. н. «хазарского» и «фемного» периодов, несмотря на большую проделанную работу, все еще остается много неясного. Активное освоение территории города в позднесредневековый период, превращение его в столицу княжества Феодоро и стратиграфические особенности памятника оставляют мало шансов получить стратифицированные закрытые комплексы «дофеодоритских» периодов.

Исходя из этого, источниковая база остается пока на стадии накопления материала. Не лучше обстоит дело и с письменными источниками. Единственным свидетелем является упоминание города в широко известной т. н. Пространной редакции ответного письма хазарского царя Иосифа Хасдаю-ибн-Шафруту. Напомним, что в Пространной редакции ответного письма Иосифа, описывая границы Хазарии, автор говорит о том, что «С западной стороны — Ш-р-кил (Саркел — Белая Вежа), См-к-р-ц, К-р-ц (Керчь), Суг-рай (Сугдея — Судак), Алус (Алушта), Л-м-б-т, Б-р-т-нит (Партенит), Алубиха (Алупка), Кут, Манк-т (Мангуп), Бур-к, Ал-ма, Г-рузин (Херсон). Эти (местности) расположены на берегу моря Кустандины (Черного моря), к западной (его) стороне» [15, с. 84-103]. Источниковедческий анализ этого перечня неоднократно опубликован разными авторами [23, с. 1578-1580].

История обнаружения и публикации этого спорного источника многократно становилась предметом специальных исследований, что избавляет нас от повторений. Коротко отметим, что существует довольно обоснованное мнение о том, что Пространная редакция, как и весь комплекс т. н. хазарско-еврейской переписки, является сфальсифицированной, начиная с первого публикатора [4, с. 118-128; 21, с. 208]. Источниками фальсификаций А. Фирковича признаются 42 глава трактата Константина Багрянородного, сообщения арабских историков, в частности ал-Факиха, а также монография Д. Хвольсона 1869 г. В лучшем случае считается, что данный перечень является попыткой описать идеальные границы своего государства, не соответствующие историческим реалиям времени составления документа. Несмотря на логичность и убедительность изложения, многие построения так же гипотетичны и предполагают выдающийся научный кругозор и историческую компетентность караимского патриарха.

Не вступая в эту сложную и запутанную дискуссию, с точки зрения археологии можно отметить только следующие объективные моменты. Во-первых, на всех перечисленных памятниках, в том числе и на Мангупе, отмечены синхронные и однотипные археологические материалы середины — второй половины X в., не связанные с предшествующими салтовскими древностями. Таким образом, дискуссия о том, существовали они или нет во времена царя Иосифа, бесперспективна. Во-вторых, эти артефакты и объекты, в подавляющем большинстве не позволяющие судить об этносе, не могут доказать или опровергнуть и политическую принадлежность указанных городов и поселений. При этом отметим, что если считать перечень фальсификацией, необходимо, во-первых, согласиться с гипотетическим предположением о том, что

большая часть Таврики контролировалась в середине X в. Византией. Во-вторых, надо признать, что подделка А. Фирковича, в частности о существовании Мангупа в середине X в., частично подтверждается археологическими материалами, которые караимскому патриарху, конечно, были неизвестны [16, с. 100-121; 18, с. 91-102].

Ценным эпиграфическим источником, позволяющим пролить некоторый свет на историю Мангупского городища в «дофеодоритский» период, является надпись на крепостной стене главной линии обороны Мангупа в балке Табана-Дере. Этот памятник известен уже давно, однако его новое прочтение и интерпретация сделаны были совсем недавно. Исходя из палеографических особенностей и тщательного натурального анализа надписи, А. Ю. Виноградов произвел ее передатировку с 1503 г., как предполагалось ранее, на 994-995 гг. Таким образом, надпись следует читать: «Построена эта стена во дни местоблюстителя Цула-бега, сына Полета, в 6503 году» [6, с. 263].

Данное прочтение надписи Цулы чрезвычайно важно не только для истории Мангупа, но и для других регионов Таврики. Нельзя не согласиться с А. Ю. Виноградовым в том, что местоблюститель-топоторит не мог не подчиняться стратигу Херсона. Таким образом, присутствие в конце X в. на Мангупе византийского гарнизона становится безусловным [6, с. 265]. Вероятно, эта стена и была построена при назначении в крепость гарнизона, в связи с расширением византийского присутствия в Горном Крыму. Несомненный интерес представляет личное имя топоторита — Цула-бег. По мнению А. Ю. Виноградова, его можно отождествить с известным по сфрагистическим находкам середины — второй половины X в. Цулой — императорским спафарием Херсона. Остальные представители этого рода, известные также в достаточно короткий промежуток времени — с 995 до 1016 гг., вероятно, являлись его сыновьями [6, с. 268]. Несмотря на логичность построений, трудно все же согласиться с выводом о том, что основоположник крымских Цул, тем более с приставкой -бег, является прибывшим из Фессалоник потомком императорских чиновников этого города.

Таким образом, совершенно очевидно, что главными источниками для реконструкции истории Мангупа «хазарского» и «фемного» периодов являются археологические. Однако и тут, как уже отмечалось, мы пока ощущаем значительный дефицит материала.

Эта малочисленность источниковой базы способствует дискусионности основных моментов истории Мангупа «дофеодоритского» времени. Одним из них является проблема времени и причин возникновения укрепления. По справедливому мнению исследователей, этот вопрос неразрывно связан с проблемой локализации страны Дори и «длинных стен», упомянутых в трактате Прокопия «О постройках» [7, с. 87-166]. Анализ этого сочинения и материалы археологических разведок на Южном берегу Крыма позволили высказать предположение о том, что «длинные стены» могут быть сопоставлены с некоторыми обнаруженными кладками в районах Главной гряды Крымских гор. Дата их строительства была высказана предположительно и относилась, естественно, к «юстиниановскому» времени [1, с. 151-162; 2, с. 10]. Этим же временем датировалось возникновение укреплений на Мангупе [5, с. 62; 3, с. 153]. Отметим, что в настоящее время накоплен значительный материал, укладываемый в широкие хронологические рамки V-VII вв., не позволяющий, однако, установить более точную дату [9, с. 29-34].

Материалов «хазарского» времени, которые датируются в рамках существования крымского варианта салтово-маяцкой культуры, т. е. второй половины VIII — рубежа IX-X вв., обнаружено на Мангупе значительно меньше. По справедливому замечанию А. Г. Герцена [9, с. 29-34], они составляют не более 5%. Исследователем особо отмечается малочисленность выразительных форм салтово-маяцкой керамики: доминируют высокогорлые тарные кувшины, причерноморские амфоры, византийская поливная керамика. Подобная ситуация характерна в целом и для археологических

памятников всего Юго-Западного Крыма и крымского южного побережья, что отличает их от салтово-маяцких памятников юго-восточной и восточной частей Таврики.

Исходя из сохранности средневековых слоев Мангупа, выделить период второй половины X — середины XI вв., после прекращения существования салтово-маяцкой культуры Крыма, еще сложнее. При этом надо отметить, что, согласно концепции А. Г. Герцена, все комплексы, возникающие во второй половине IX в., существуют без заметных изменений до середины XI в. Во-первых, речь идет о винодельческих комплексах, представляющих собой большие прессы (тарапаны), вырубленные в скале, рядом с которыми располагались гнездами ямы для установки округлодонных сосудов. Всего к настоящему времени открыто более десятка таких комплексов, располагавшихся преимущественно в восточной части плато [9, с. 29-34]. Во-вторых, к этому периоду отнесены и зафиксированные археологически обширные ремонтные работы на месте оборонительных сооружений. Следует, прежде всего, упомянуть т. н. укрепленную линию А. XIV Главной линии обороны крепости, пересекавшую устье Лагерной балки. Ее главная куртина была перенесена ниже по склону и установлена прямо на поверхность земли [9, с. 29-34].

Попробуем, все же, расчленив эти и другие комплексы хронологически, попытавшись выделить материалы, как середины VIII — рубежа IX-X вв., так и второй половины X — первой половины XI вв.

В настоящее время на территории памятника материалы, датируемые не ранее второй половины X в., обнаружены в нескольких местах, в том числе и на территории наиболее изученной части городища — цитадели. Среди них в первую очередь необходимо упомянуть стратиграфические горизонты №№ 2 и 3 на площади раскопов 1998 и 2003 гг. на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун [12, с. 384-432; 10, с. 378-409]. Благодаря их подробной публикации, есть возможность проанализировать керамический комплекс культурных горизонтов. Не повторяя подробного описания керамического комплекса из слоя № 2, датированного феодалитским временем, необходимо отметить присутствие в нем фрагментов тонкостенной кухонной керамики второй половины X — XI вв. [10, с. 383] и двух фрагментов кухонных салтовских горшков предшествующего времени [10, с. 462 рис. 22,2,3]. Ко второй половине X — XI вв. относятся фрагменты поливной керамики группы «Glazed White Ware II», согласно типологии Дж. Хейса, а к более раннему времени, синхронному салтовской керамике, отдельные фрагменты группы «Glazed White Ware I», по той же типологии. Таким образом, совершенно ясно, что горизонт перемешан, и в нем можно четко выделить материалы второй половины X — XI вв. Находки салтовского времени, как и раннесредневековые артефакты, логично рассматривать, как «примесь снизу».

Проясняет ситуацию следующий стратиграфический горизонт № 3, отнесенный к фемному периоду. Судить о его нижней хронологической границе на основании обнаруженных материалов сложно, но, вероятно, исходя из большого количества высокогорлых кувшинов, она приходится на середину — вторую половину IX в. Основная же масса тарной керамики представлена амфорами «причерноморского» типа, в том числе с зональным рифлением. Трудно согласиться с мнением исследователей о том, что верхняя хронологическая граница этих амфор, какой бы тип или вариант их не рассматривать, приходится на вторую половину X или даже на начало XI вв. При обосновании датировки авторы часто обращаются к хронологическим разработкам А. В. Сазанова. Однако при обосновании времени исчезновения салтовских памятников полуострова исследователь ограничивает хронологические рамки бытования причерноморских амфор второй половиной IX в. [22, с. 576].

В настоящее время большинство специалистов согласно с тем, что византийские «сферомкостные» и «воротничковые» амфоры появляются на полуострове с сере-

дины X в. и получают чрезвычайно широкое распространение в Таврике во второй половине этого столетия. Ни в одном из известных закрытых салтовских комплексов Восточного Крыма, где причерноморские амфоры встречены массово, византийские амфоры указанных типов не встречены. Совершенно очевидно, что, по крайней мере, в восточной Таврике, они не сосуществуют. При хорошо налаженном местном производстве амфор, импорт византийских был совершенно не нужен. Таким образом, византийские амфоры и в Юго-Восточном, и в Юго-Западном Крыму сменяют местные амфоры «причерноморского» типа примерно в середине X в. Кухонная керамика, составляющая около 6% от общего числа керамических находок, представлена, к сожалению, маловыразительными фрагментами, столовая — ойнохоями «скалистинского» типа и византийской глазурованной посудой групп «Glazed White Ware I» и «Glazed White Ware II». Таким образом, на наш взгляд, горизонт № 3 также перемешан. Основная масса находок относится ко второй половине IX — первой половине X вв. Яркий аналог этому комплексу — керамический комплекс из усадьбы у подножия Мангупа [20, с. 324-340]. Он типичен для середины IX — второй четверти X вв., с чем согласен и автор исследований [20, с. 334]. Однако и здесь присутствуют находки второй половины X в., прежде всего, поливная керамика группы GWW II, которую необходимо рассматривать в данном случае как «примесь сверху».

Возможность выделения горизонта второй половины X — XI вв. на Мангупском городище ярко подтверждают также полно опубликованные результаты раскопок 1976 г. (раскоп X) жилого комплекса на мысе Тешкли-Бурун, у тыльной стороны северо-западной куртины цитадели Мангупа [11, с. 127-151]. Здесь зафиксирован культурный горизонт интересующего нас времени, связанный с функционированием и гибелью постройки. К тарной керамике из слоя относятся численно преобладающие высокогорлые кувшины с ленточными ручками, отдельными фрагментами представлены «воротничковые» византийские амфоры. Мелкие обломки раннесредневековых амфор справедливо рассматриваются как «примесь снизу». Гончарная керамика представлена широкогорлыми шаровидными тонкостенными сосудами с широкой профилированной ручкой [11, рис. 4,9-13]. Морфологически они идентичны сосудам, встреченным в стратиграфическом горизонте № 2 на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун. Основную массу поливной керамики составляют поливные сосуды группы GWW II. Таким образом, исходя из многочисленных аналогов в комплексах раннесредневековой Сугдеи, Боспора и Партенит, данный горизонт можно предположительно датировать в рамках второй половины X — XI вв.

Синхронный горизонт обнаружен и возле описанного выше сооружения. Частичное его исследование проводилось в 1999 г. Так, в слое разборки каменного завала на участке хозяйственного двора к северо-востоку от помещения 1 здания 14 зафиксирован фрагмент оранжевоглиняного кувшина с орнаментом в виде кружков и линий [8, рис. 64,6]. Из этого же горизонта происходят фрагменты поливных византийских тарелок группы GWW-II и фрагменты высокогорлых кувшинов. Материалы второй половины X — XI вв. происходят и из заполнения тарапана. В верхнем слое заполнения объекта они представлены фрагментом крышки с защипами по краю верхнего бортика [8, рис. 95,12] и фрагментами высокогорлых кувшинов, в нижнем — многочисленными фрагментами высокогорлых кувшинов (34% от состава керамического комплекса) и фрагментами кухонных горшков с ленточными ручками [8, рис. 96,8] типа I по типологии кухонной керамики населения Восточного Крыма второй половины X — XI вв. [17, с. 374-377, рис. 107-110].

Помимо уникальных пока стратиграфических горизонтов, в материалах раскопок Мангупа известны и отдельные вещи, обнаруженные в переотложенном состоянии, но датируемые «фемным» периодом. Прежде всего, это кистень, обнаруженный при

раскопках квартала у церкви Св. Константина [13, с. 452, рис. 1,1]. По справедливому мнению А. А. Душенко, основанному на многочисленных приведенных аналогиях, изделие может датироваться в рамках IX — первой половины XI вв. [13, с. 434-435]. В отличие от судакского и херсонесского изделий, мангупский экземпляр имеет не удлиненную, а скорее шарообразную форму, что может свидетельствовать о его более ранней дате [24, с. 59; 13, с. 434].

Нельзя не упомянуть и о костяных пластинах составных гребней, обнаруженных при раскопках позднесредневековых горизонтов в Лагерной балке и квартала у церкви Св. Константина [14, р. 35-38]. На этом основании было высказано справедливое предположение о существовании на городище домашнего производства простых костяных изделий. Аналогии этим изделиям в Крыму известны только в материалах, полученных при изучении заполнения склепа № 23 городища Белинское, где они также датируются второй половиной X — XI вв. [25, с. 348-363].

Таким образом, в качестве предположения можно констатировать, что «фемный» период Мангупского городища, как и других городских памятников Юго-Восточного и Юго-Западного Крыма, четко распадается на два этапа: второй половины IX — первой половины X вв. и второй половины X — середины XI вв.

По справедливому мнению А. Г. Гецена и В. Е. Науменко, до конца VIII — первой половины IX вв. крепость Дорос сохраняла свой ранневизантийский облик [9, с. 29-34]. Судя по наличию высокогорлых кувшинов с ленточными ручками, в середине IX в. проводятся обширные ремонтные работы в крепости, появляются винодельческие комплексы, происходит смена доминирующих типов керамических форм. Постоянное население крепости резко сокращается, по сравнению с предшествующим периодом. Однако оно не утрачивает экономических и культурных связей с причерноморским миром, представленным в данном регионе византийским Херсоном. В идеологической сфере сохраняет и даже упрочивает свои позиции христианство: по некоторым данным, в этот период расширяется большая базилика в центре Мангупского плато [9, с. 29-34].

Все эти данные, однако, не позволяют судить о политической подчиненности Дороса и присутствии там хазарского воинского контингента. Вероятнее всего, хазарское присутствие до середины IX в. ограничилось здесь установлением системы административного контроля, который постепенно ослабевал, уступая место вновь усиливавшемуся византийскому влиянию [9, с. 29-34].

Во второй половине X в., после окончательного вхождения всего полуострова в состав Византийской империи, жизнь на Мангупе, несмотря на сокращение размеров обжитой территории, продолжается. Возникают новые и используются старые тарапаны, продолжает функционировать оборонительная система, некрополи. Четко прослеживаются попытки подчинить городскую систему возведения зданий общевизантийским принципам квартальной застройки. Развивается христианское культовое строительство, активно используется крестообразный храм. Согласно периодизации В. Л. Мыца, храм возникает на рубеже IX-X вв., о чем свидетельствует археологический материал второй половины IX — первой половины X вв. [19, с. 228, рис. 4,1-6,8-11]. Судя по фрагменту ранней «воротничковой» амфоры [19, с. 228, рис. 4,7], в середине X в. происходит его перестройка, возможно связанная с пожаром, зафиксированным на полу северного придела. Материал из слоя пожара, вероятнее всего, синхронен обнаруженному в кладке северной стены притвора. Интересно отметить, что использование элементов кладки «в елку», как, например, в склепе типа VII некрополя Судак-II, отмечено и в гробнице 5 прихрамового некрополя крестообразного храма Мангупа, датирующейся в рамках второй половины X в. [19, с. 239, рис. 11,5,6]. Гибель храма и связанного с ним по-

селения датируется концом X в. и объясняется нашествием печенегов [19, с. 240]. Однако относительно последнего суждения, какие-либо аргументы отсутствуют.

Согласно данным сфрагистики, во второй половине X в. в составе Херсонской фемы выделяется турма Готии. Это событие связано, в первую очередь, с произошедшей в это время реформой византийской административной системы в Крыму. В соответствии со стандартной структурой фемы, в ее состав должно было входить три турмы. Однако в провинциях это соблюдалось далеко не всегда. Тем не менее, нет сомнений в том, что, согласно византийской практике, фигурирующий в сфрагистическом источнике турмарх Готии спафарий Лев был назначен на должность византийским императором и являлся комендантом той части военно-административного округа, на территории которого располагалась его турма. Несомненным было и его подчинение стратигу Херсонской фемы. Будучи окружным военачальником, он набирал войско из местных жителей и был обязан выступить с ним по приказу стратига. Скорее всего, резиденция турмарха Готии находилась в крепости на плато Мангуп.

Уже упоминавшаяся надпись на крепостной стене главной линии обороны Мангупа в Табана-Дере, датирующаяся 994-995 гг., свидетельствует не только о строительстве и ремонте фортификационных сооружений, но и о нахождении в городе византийского гарнизона под руководством чиновника высокого ранга, в частности, представителя одного из самых могущественных местных родов Цул.

С ликвидацией фемы в Херсоне в третьей четверти XI в., связанной с общим кризисом фемной системы в Империи, перестает функционировать и турма Готии. Административные образования на ее территории в период существования Херсонского катепаната XI — рубежа XI-XII вв. остаются пока неизвестными, но связь региона с Херсоном, в период подчинения города Трапезундской империи, несмотря на закономерное ослабление, несомненно, существовала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов И. А. О восстании Иоанна Готского // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма / под ред. С. Н. Бибилова. Киев: Наукова думка, 1974. С. 151-162.
2. Баранов И. А. Хазары и Херсонес в VIII в. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888-1988 гг. Тезисы докладов. Севастополь, 1988. С. 10.
3. Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев: Наукова думка, 1990. 168 с.
4. Бушаков В. Як укладалася докладна редакція так званого листа хозарського царя Йосифа // Хазарський альманах. 2005. Т. 4. С. 118-128.
5. Веймарн Є. В. Одне з важливих питань ранньосередньовічної історії Криму // Середні віки на Україні. Київ, 1971. Вип. I. С. 61-64.
6. Виноградов А. Ю. Надпись из Табана-Дере: пятьсот лет спустя // АДСВ. 2009. Вып. 39. С. 262-271.
7. Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 87-166.
8. Герцен А. Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища 1999 г. Приложения. Т. III // Архив Института археологии Крыма РАН. Инв. Кн. 4, инв. № 629, папка № 1029.
9. Герцен А. Г. Хазары в Доросе-Мангупе // Хазарский альманах. 2002. Т. 1. С. 29-34.
10. Герцен А. Г., Землякова А. Ю., Науменко В. Е., Смокотина А. В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун (Мангуп) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 371-494.
11. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Керамика IX-XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-Бурун // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 127-151.
12. Герцен А. Г., Науменко В. Е. К истории цитадели Мангупа (по материалам археологических исследований на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун) // АДСВ. 2006. Вып. 37. С. 384-432.
13. Душенко А. А. Изделия из кости и рога из раскопок квартала у церкви Св. Константина (Мангуп) // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 432-456.

14. Dushenko A. The finds of composite single-sided combs of Scandinavian look in the territory of Mangup // *Inter ambo Maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period*. Kristiansand, Simferopol, 2011. P. 35-38.
15. Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. 130 с.
16. Майко В. В. Археологическая ситуация в средневековой Таврике и на Тамани в середине X в. // *Хазарский альманах*. 2012. Т. 10. С. 100-121.
17. Майко В. В. Восточный Крым во второй половине X-XII вв. Киев, 2014. 467 с.
18. Майко В. В. Приписки на полях Крымских библий. Фальсифицированный источник и археологические реалии // *Хазарский альманах*. 2014. Т. 12. С. 91-102.
19. Мыц В. Л. Крестообразный храм Мангупа // *СА*. 1990. № 1. С. 224-242.
20. Науменко В. Е. Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа // *Бахчисарайский историко-археологический сборник*. 1997. Вып. 1. С. 324-339.
21. Петрухин В. Я. Хазария, Русь и славяне: становление городской сети и контроль над международными коммуникациями // *Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время*. Ростов-на-Дону, 2009. С. 208-214.
22. Сазанов А. В., Могаричев Ю. М. К вопросу о времени прекращения хазарского присутствия в Крыму // *ПДФК*. 2008. Вып. XXI. С. 572-589.
23. Сорочан С. Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Ч. 2. Харьков, 2005. 1552 с.
24. Флорова В. Е. Резная кость юго-востока Европы IX-XII вв.: искусство и ремесло (по материалам Саркела-Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа). СПб., 2001. 256 с.
25. Зубарев В. Г., Майко В. В., Ярцев С. В. Новый склеп с раннесредневековыми материалами из раскопок некрополя городища «Белинское» // *Боспорский исследования*. 2017. Вып. XXXV. С. 348-363.

REFERENCES

1. Baranov I. A. O vosstanii Ioanna Gotskogo. Bibikov S. N. (Ed.), *Feodal'naia Tavrika. Materialy po istorii i arheologii Kryma*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1974, pp. 151-162.
2. Baranov I. A. Hazary i Hersones v VIII v. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Problemy issledovaniya antichnogo i srednevekovogo Hersonesa. 1888-1988 gg."*, Sevastopol, 1988, p. 10.
3. Baranov I. A. *Tavrika v jepohu rannego srednevekov'ja (saltovo-majackaja kul'tura)*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1990, 168 p.
4. Bushakov V. Jak ukkladalasja dokladna redakcija tak zvanogo lista hozars'kogo carja Josifa. *Khazarskij al'manah*, 2005, vol. 4, pp. 118-128.
5. Vejmar E. V. Odne z vazhlivih pitan' rann'oseredn'ovichnoi ictopii Krimu. *Seredni viki na Ukraini*, Kiev, 1971, vol. I, pp. 61-64.
6. Vinogradov A. Ju. Nadpis' iz Tabana-Dere: pjat'sot let spustja. *Antichnaya drevnost' i sredniye veka*, 2009, vol. 39, pp. 262-271.
7. Gercen A. G. Krepостnoj ansambl' Mangupa. *Materialy po arheologii, istorii i etnjografii Tavrii*, 1990, vol. I, pp. 87-166.
8. Gercen A. G. Otchet ob arheologicheskij issledovanijah Mangupskogo gorodishha 1999 g. Prilozhenija. T. III. *Arkhiv Instituta arheologii Kryma Rossijskoi akademii nauk*, Book 4, No. 629, box № 1029.
9. Gercen A. G. Hazary v Dorose-Mangupe. *Khazarskij al'manah*, 2002, vol. 1, pp. 29-34.
10. Gercen A. G., Zemljakova A. Ju., Naumenko V. E., Smokotina A. V. Stratigraficheskie issledovaniya na jugo-vostochnom sklone mysa Teshkli-Burun (Mangup). *Materialy po arheologii, istorii i etnjografii Tavrii*, 2006, vol. XII, pp. 371-494.
11. Gercen A. G., Naumenko V. E. Keramika IX-XI vv. iz zhilogo kompleksa na myse Teshkli-Burun. *Antichnaya drevnost' i sredniye veka*, 2001, vol. 32, pp. 127-151.
12. Gercen A. G., Naumenko V. E. K istorii citadeli Mangupa (po materialam arheologicheskij issledovanij na jugo-vostochnom sklone mysa Teshkli-Burun). *Antichnaya drevnost' i sredniye veka*, 2006, vol. 37, pp. 384-432.
13. Dushenko A. A. Izdelija iz kosti i roga iz raskopok kvartala u cerkvi Sv. Konstantina (Mangup). *Materialy po arheologii, istorii i etnjografii Tavrii*, 2009, vol. XV, pp. 432-456.

14. Dushenko A. The finds of composite single-sided combs of Scandinavian look in the territory of Mangup. *Inter ambo Maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period*, Kristiansand, Simferopol, 2011, pp. 35-38.
15. Kokovcov P. K. *Evrejsko-hazarskaja perepiska v X v.* Leningrad, 1932, 130 p.
16. Majko V. V. Arheologicheskaja situacija v srednevekovoj Tavrike i na Tamani v seredine X v. *Khazarskij al'manah*, 2012, vol. 10, pp. 100-121.
17. Majko V. V. *Vostochnyj Krym vo vtoroj polovine X-XII vv.* Kiev, 2014, 467 p.
18. Majko V. V. Pripiski na poljah Krymskijh biblij. Fal'sificirovannyj istochnik i arheologicheskie realii. *Khazarskij al'manah*, 2014, vol. 12, pp. 91-102.
19. Myts V. L. Krestoobraznyj hram Mangupa. *Sovetskaya arheologia*, 1990, No. 1, pp. 224-242.
20. Naumenko V. E. Raskopki rannesrednevekovogo poselenija u podnozhija Mangupa. *Bakhchisarajskij istoriko-arhtolodicheskij sbornik*, 1997, vol. 1, pp. 324-339.
21. Petruhin V. Ja. Hazarija, Rus' i slavjane: stanovlenie gorodskoj seti i kontrol' nad mezhdunarodnymi kommunikacijami. *Mezhdunarodnye otnoshenija v bassejne Chernogo morja v skifo-antichnoe i khazarskoe vremja*, Rostov-na-Donu, 2009, pp. 208-214.
22. Sazanov A. V., Mogarichev Ju. M. K voprosu o vremeni prekrashhenija hazarskogo prisutstvija v Krymu. *Problemy istorii, filologii, kultury*, 2008, vol. XXI, pp. 572-589.
23. Sorochan S. B. *Vizantijskij Herson. Oчерki istorii i kul'tury*. Part 2. Harkov, 2005, 1552 p.
24. Fljorova V. E. *Reznaja kost' jugo-vostoka Evropy IX-XII vv.: iskusstvo i remeslo (po materialam Sarkela-Beloy Vezhi iz kolekcii Gosudarstvennogo Jermitazha)*. S-Petersburg, 2001, 256 p.
25. Zubarev V. G., Maiko V. V., Iartsev S. V. Novyj sklep s rannesrednevekovymi materialami iz raskopok nekropolia gorodishcha «Belinskoe». *Bosporiskii issledovaniia*, 2017, Vol. XXXV, pp. 348-363.

Майко В. В.

К вопросу о выделении средневековых горизонтов Мангупа IX-XI вв.

Резюме

В статье проанализированы письменные и археологические источники, связанные с историей Мангупского городища VIII-XI вв. Отмечено, что источниковая база, исходя из истории развития и стратиграфии памятника, крайне ограничена. Тем не менее, имеющиеся материалы позволяют предположить, что материальная культура города в «хазарский» период является одним из вариантов провинциально-византийской культуры с очень высокой степенью византинизации. Этим она отличается от провинциально-византийской салтово-маяцкой культуры Восточного Крыма. Со второй половины X в. после выделения в составе Херсонской фемы турмы Готии, Мангуп, скорее всего, становится ее центром. Материальная культура города в этот период также является одним из вариантов провинциально-византийской культуры, характерной для всего Крымского полуострова.

Ключевые слова: Мангуп, хазарский период, фемный период, материальная культура.

Maiko V. V.

Concerning the Establishment of Mediaeval Horizons of Mangup from the Ninth to Eleventh Centuries

Summary

This article analyses written and archaeological sources connected with the history of the ancient city of Mangup from the eighth to eleventh centuries. It is underlined that the source base originating from the history and stratigraphy of the site is extremely limited. Nevertheless, the account in possession allow one to assume that the material culture of the city in the so-called Khazar Period comprised a variant of provincial Byzantine culture, with a high degree of a Byzantinization. This is its difference from provincial Byzantine Saltovo-Maiaki Culture which developed in the Eastern Crimea. From the second half of the tenth century on, when the turma of Gothia was established within the *theme* of Cherson, Mangup, most likely, became its center. This city's material culture in the period in question also was a variant of provincial Byzantine culture, typical of the entire Crimean Peninsula.

Keywords: Mangup, Khazar Period, *Thematic* Period, material culture.